

ВСТУПЛЕНИЕ.

Представителями свѣтской музыки въ Россіи съ древнѣйшихъ временъ, въ теченіи многихъ столѣтій, служили искусники или потѣшники, издавна носившіе названіе скомороховъ. Весь продолжительный періодъ исторіи свѣтской музыки въ Россіи съ XI вѣка (раньше этого времени мы не имѣемъ письменныхъ свидѣтельствъ о музыкантахъ и пѣвцахъ русскихъ) до середины XVII столѣтія можетъ, по справедливости, быть названъ эпохою скомороховъ.

Скоморошество—явленіе, общее всѣмъ европейскимъ народамъ въ средніе вѣка; скоморохи—преемники греко-римскихъ скиниковъ или мимовъ, народныхъ потѣшниковъ, подвизавшихся частью на сценѣ или просценіумѣ театра, частью на пирахъ и попойкахъ, на улицахъ, площадяхъ и въ питейныхъ домахъ. Откуда бы ни пришло въ Россію искусство скомороховъ, съ юга ли (изъ Византіи) или съ запада,—но уже въ XI вѣкѣ оно оказывается привитымъ и укоренившимся въ обиходѣ народной жизни русской; съ этой поры оно можетъ быть разсматриваемо какъ явленіе, на русской почвѣ вполнѣ акклиматизовавшееся и принявшее здѣсь самостоятельное развитіе, сообразное съ мѣстными условіями и характеромъ русскаго народа. Скоморохи—древнѣйшіе представители народнаго эпоса, народнои сцены, народнаго музыкальнаго искусства.—Располагая въ хронологическомъ порядкѣ дошедшія до насъ свѣдѣнія о скоморохахъ, мы можемъ прослѣдить и постепенное обогащеніе состава находившихся въ распоряженіи ихъ музыкальныхъ орудій. Къ первоначальному, древнѣйшему инструменту скомороховъ—гуслямъ, о которыхъ почти исключительно упоминается въ русскихъ бы-

линахъ Владимірова цикла и преимущественно—въ старинныхъ народныхъ пѣсняхъ, сперва присоединяются трубы, бубны, сопѣли, позже—сурны, домры, волынки или дуды, гудки (смыки), лиры, органы, свирѣли и т. п. инструменты. Предоставляя себѣ въ особой статьѣ разсмотрѣть эти музыкальныя орудія, обращаюсь теперь къ носителямъ и представителямъ ихъ—«гудцамъ» или «игрецамъ»—скоморохамъ; постараюсь изслѣдовать, въ чемъ именно заключалось искусство скомороховъ, разсмотрѣть характеръ ихъ, разносторонность потѣшной ихъ дѣятельности, отношеніе къ нимъ народа, наконецъ—гибель и замѣщеніе ихъ иными представителями музыкальнаго искусства.

Глава первая.

Скоморохи—„веселые люди“.

Музыкальные искусники—скоморохи, соотвѣтственно потѣшной ихъ дѣятельности, на народномъ языкѣ, какъ въ пѣсняхъ, такъ и въ историческихъ памятникахъ, нерѣдко именуются «веселыми людьми», «веселыми молодцами». Въ былинѣ о гостѣ Терentyицѣ описываются

Веселые скоморохи,
Скоморохи люди вѣжливые,
Скоморохи очестливые.

Терентьева жена, завидѣвъ ихъ изъ окошечка, заводитъ съ ними рѣчь:

«А и вы гой еси, веселые молодцы!»

и вслѣдъ за тѣмъ приглашаетъ войдти къ себѣ въ домъ:

«Веселые скоморохи!
Вы подите во свѣтлую гридню»... ¹⁾

Въ былинѣ о Ставрѣ Годиновичѣ, Ставрова жена спрашиваетъ князя Владиміра:

Чѣмъ ты, Владиміръ князь, въ Кіевѣ потѣшаешься?
Есть ли у тебя веселые молодцы? ²⁾

Въ другой пѣснѣ изображается толпа «веселыхъ», т. е. скомороховъ, съ музыкальными инструментами своими расхаживающихъ по улицамъ:

¹⁾ Кирша Дягилевъ. Древнія русскія стихотворенія. 1878 г. Стр. 10, 12, 13.

²⁾ Тамъ же: стр. 91.

Веселые по улицамъ похаживаютъ,
Гудки и волынки понашиваютъ,...

и далѣе:

Веселые-то ребята злы, догадливы... ¹⁾

Еще въ одной пѣснѣ:

Какъ шли прошли веселые
Два молодца удалые,
Они срѣзали по пруточку,
Они сдѣлали по гудочку... ²⁾

Въ вариантѣ этой пѣснѣ вмѣсто «веселые» поется «скоморохи»:

Ужъ какъ шли прошли скоморохи,
Срѣзали по пруточку и т. д. ³⁾

Въ другихъ пѣсняхъ встрѣчаемъ соединеніе обоихъ названій: «скоморохи» и «веселые», напр.:

Прошли скоморохи, прошли молодые,
Молодые веселые... ⁴⁾

Въ одномъ изъ пересказовъ былины о Добрынѣ Никитчѣ, читаемъ:

Обрядился Добрыня скоморошкою веселою...

и далѣе:

Заигралъ тутъ скоморошка да веселая
А во тѣ ли звонцаты гусли. ⁵⁾

По словамъ народной пѣсни:

Сватался на Дупюшкѣ веселый скоморохъ. ⁶⁾

Въ заключительной припѣвкѣ къ былинѣ о Михаилѣ Скопинѣ встрѣчается стихъ:

Еще намъ веселымъ молодцамъ (т. е. скоморохамъ) на потѣшенье. ⁷⁾

¹⁾ Сахаровъ. Сказанія русскаго народа. 1841—1849 г. I. III, стр. 221.

²⁾ Тамъ же: I. III, 87.

³⁾ Шейнъ. Русскія народныя пѣсни. 1870. I. Стр. 218.

⁴⁾ Бѣляевъ. О скоморохахъ. Временникъ Импер. Москов. Общества исторіи древностей. 1854 г. Стр. 73.—Ср. выше стр. 3: «веселые скоморохи».

⁵⁾ Гильфердингъ. Онежскія былины. 1873 г. Стр. 1324.

⁶⁾ Якушкинъ. Народныя русскія пѣсни. 1865 г. Стр. 191.

⁷⁾ Б. Даниловъ. Древ. русс. стих. 193.

Во второй Новгородской лѣтописи подъ 1571 годомъ читаемъ, между прочимъ: «вѣ поры въ Новгородѣ, и по всѣмъ городамъ и по волостемъ, на Государя брали веселыхъ людей»..., а вслѣдъ за тѣмъ говорится, что «поѣхалъ изъ Новгорода на подводахъ, къ Москвѣ, Субота (дьякъ) и съ скоморохами», т. е. съ набранными для Государевой потѣхи «веселыми людьми»¹⁾. Въ любопытной челобитной, поданной царю Михаилу Ѳедоровичу крестьянами села Ширинги Ярославской губ., въ 1625 году, на помѣщика, князя Артемія Шейдякова, обвиняемаго ими въ разныхъ неблаговидныхъ поступкахъ, между прочимъ говорится, что онъ «веселыхъ (т. е. скомороховъ) держалъ у себя для потѣхи безпрестанно»²⁾. Наконецъ въ одной старинной рукописи читаемъ о пошлинѣ (головщинѣ), взятой въ 1656 году съ «веселыхъ гулящихъ людей», т. е. со скомороховъ³⁾.

¹⁾ Полное Собрание Русскихъ Лѣтописей. III, стр. 167.

²⁾ См. у Соловьева. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. IX (1866 г.), стр. 429—430.

³⁾ Извѣстія Императорскаго Археологическаго Общества. VI, стр. 67.

Глава вторая.

Искусство скомороховъ.

а. Играютъ и поютъ въ домахъ, въ особенности на пирахъ.

Въ чемъ же заключалась доставлявшаяся скоморохами народу утѣха? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даютъ многочисленные историческіе памятники, народныя пѣсни и поговорки, а также наши былины, въ которыхъ скоморохи являются въ большинствѣ случаевъ еще въ древнѣйшемъ своемъ образѣ, въ видѣ гусельниковъ. Послѣдніе играютъ на своихъ «звончатыхъ» или «яровчатыхъ» (= яворовыхъ) гусяхъ и поютъ пѣсни, а иногда и пляшутъ для развлечения слушателей; по одиночкѣ или толпами, облачаясь въ особое «скоморошье платье»¹⁾, они посѣщаютъ пиры, княжескіе или частные, и народныя праздники, присутствуютъ на свадьбахъ, всюду внося удовольствіе и веселье.

Герентьева жена, въ упомянутой выше (стр. 3) былинѣ, приглашая скомороховъ къ себѣ въ гридню, обращается

¹⁾ Лѣтописецъ Переяславль-Суздальскій (XIII в.) сравниваетъ одѣяніе Латынь съ платьемъ скоморошескимъ: «начаша пристроати собѣ кошули, а не срачици, и межиножіе показывати и вртопоіе носити, и аки гворѣ (= иѣшоу) въ нововици створише образъ килы имуще и не стыднѣся отынуд, аки скомраси». Изъ этого заключаютъ, что скоморохи, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, носили особое, короткое платье и узкіе штаны съ нашивкою на межиножьи. Сходный въ общихъ чертахъ костюмъ представляютъ скоморохи играцы и плясуны на древней фрескѣ Кіевско-Софійскаго собора (см. ниже, стр. 10). (Ср. Бѣляевъ. О скоморохахъ. 80). О скоморошескомъ платьѣ упоминается въ былинѣ о Добрынь Пякитичѣ, въ повѣсти о пляшущемъ бѣсѣ (XVI в.), въ грамотѣ царя Алексѣя Михайловича (1648 г.) и др. (см. ниже); изображенія скомороховъ и плясунювъ въ шутовскихъ костюмахъ встрѣчаются на русскихъ народныхъ картинкахъ (см. у Ровинскаго Русскія народныя картинки. 1881 г. №№ 102, 103 и др.).

къ нимъ съ просьбой, «сѣсть на лавочки, поиграть во гусельцы и пропѣть пѣсенку», и «веселые скоморохи»

Садилися на лавочки,
Заиграли во гусельцы,
Запѣли они пѣсенку...

Такимъ же гусельникомъ, призываемымъ въ дома для утѣхи слушателей, былъ первоначально и герой былинъ, Садко, сдѣлавшійся потомъ богатымъ гостемъ (купцомъ); сперва Садко не имѣлъ другаго имущества, кромѣ гуслей, съ которыми и ходилъ по пирамъ; когда же его не звали на пиръ, онъ скучалъ безъ дѣла:

А прежде у Садкѣ имущества не было:
Одни были гусли яровчаты.
По пирамъ ходилъ—игралъ Садкѣ.
Садкѣ день не зовуть на почестенъ пиръ,
Другой не зовуть на почестенъ пиръ,
И третій не зовуть на почестенъ пиръ,
Потомъ Садкѣ соскучился

Садкѣ отправляется къ Ильмену-озеру, играетъ на его берегу и приводитъ въ восторгъ морскаго царя, который общается ему счастье и богатство. Какъ вернулся Садкѣ отъ Ильменя-озера,

Позвали Садкѣ на почестенъ пиръ.¹⁾

Имѣются разные свидѣтельства о зазываніи скомороховъ въ дома. Такъ въ поученіи Григорія Черноризца (XIII в.) предписывается не вводить въ домъ скомороховъ: «скомороха,... и гудья и свирця нѣ уведи у домъ свой глума ради»²⁾. Въ словѣ о русаліяхъ, приписываемомъ Нифонту, говорится о мужѣ, который, завидѣвъ изъ палаты своей толпу пляшущихъ вокругъ пляшущаго же сопѣльника (скомороха), останавливаетъ ихъ и велитъ играть, плясать и пѣть передъ собой³⁾. «Кто ихъ (скомороховъ) пуститъ на дворъ добровольно, и они

¹⁾ Рыбникова. Пѣсни. 1861 г. I, стр. 370, 371.—Ср. Гильфердингъ. Онеж. был. 384.

²⁾ Срезневскій. Свѣдѣнія и замѣтки о малозвѣстныхъ и незвѣстныхъ памятникахъ. 1867. Гл. VII, стр. 56.

³⁾ Памятники старинной русской литературы, изд. подъ редакц. Костомарова. 1860—1862. I, стр. 207.

тутъ играютъ», говорится въ уставной грамотѣ бобровыхъ деревень крестьянамъ (1509 г.) ¹⁾. «Въ домъ свой, къ женѣ и къ дѣтемъ приводили скомрахи, плясци, сквернословци», читаемъ въ одномъ изъ словъ митрополита Даніила (XVI в.) ²⁾. Въ царской грамотѣ 1648 г. приказывается, чтобы скомороховъ съ домрами и съ гуслими и съ волынками и со всякими играми «въ домъ къ себѣ не призывали» ³⁾. «Буде учнуть... мірскіе люди тѣхъ скомороховъ (съ гуслими, домрами, сурнами и волынками) и медвѣжьихъ поводчиковъ съ медвѣдьми въ дома своя пускати» читаемъ въ памяти митрополита Іоны (1657 г.) ⁴⁾.

Въ одной изъ былинъ о Добрынѣ, послѣдній является на пирь, наряженный скоморохомъ:

Накрутился мелodeцъ скоморошиной,
Пошелъ какъ на хорошъ почестенъ пирь.

Его привѣтствуютъ Владиміръ князь и Опраксія королевична и упрекають, что онъ раньше не заходилъ, а напрасно проживался:

Ай же ты, дѣтина пріѣзжая,
Скоморошная, гусельная!
Для чего же ты долго проживаешься,
Пробѣдаешься, пропиваешься,
Нейдешь къ намъ на почестенъ пирь. ⁵⁾

Въ той же былинѣ, въ разныхъ ея пересказахъ, упоминается и о цѣлой толпѣ «гусельниковъ», «игроковъ», «гудочниковъ», или «скомороховъ», присутствующихъ на пиру. Добрыня просить князя, дать ему — гусельнику — мѣстечко; на это князь отвѣчаетъ, что всѣ мѣста заняты гусельщиками:

Еще всѣ мѣста да попривязаны
У молóдыхъ да у гусельщиковъ. ⁶⁾

¹⁾ Акты историческіе, собранные и изданные археографическою комиссіею. 1841—1842. I, № 150.

²⁾ Бѣляевъ. О скоморохахъ. 78.

³⁾ Ивановъ. Описаніе государственнаго архива старыхъ дѣлъ. 1850 г. Стр. 298.

⁴⁾ Акты, собранные и изданные археографическою экспедиціею. 1836. IV, № 98.

⁵⁾ Рыбниковъ. Пѣсни. I, 135, 143.

⁶⁾ Гальфердингъ. Онежск. был. 1029.

Какъ заигралъ Добрыня «въ гусельшки яровчаты» и
запѣлъ пѣсню,

На пиру игроки всѣ приумолкнули,
Всѣ скоморохи прислушались. ¹⁾

Или:

Еще вси то скоморохи приумолкнули,
Еще вси то игроки то прислушались. ²⁾

Въ другомъ пересказѣ Добрыня застаеъ на пиру
толпу «гудосьниковъ»:

Вси въ гудки играють, вси увеселяють. ³⁾

Въ былинѣ о Ставрѣ Годиновичѣ, во время пира, ко-
торый князь Владиміръ устроилъ въ честь мнимаго посла,

Собрали веселыхъ молодцовъ на княженицкой дворѣ ⁴⁾

или, по другому пересказу: «выпускають загусельщи-
ковъ», которые «всѣ играютъ» ⁵⁾.

Древнѣйшее историческое свидѣтельство о присутствіи
и игрѣ гусельниковъ на княжескихъ пирахъ представляютъ
Несторовы слова о Святополкѣ (подъ 1015 г.): «люте бо
граду тому и земли той, въ немъ же князь юнъ, любяй
вино пити съ гуслями», восклицаетъ лѣтописецъ ⁶⁾. Въ
житіи преп. Θεодосія, игумена Печерскаго, читаемъ, что
однажды Θεодосій пришелъ къ великому князю Свято-
славу Ярославовичу (въ XI вѣкѣ) и увидѣлъ въ палатѣ,
гдѣ находился князь, «многихъ играющихъ передъ нимъ:
овыхъ гусльныя гласы испускающихъ, иныхъ органъ-
ныя писки гласящихъ, иныхъ же мусикинскія (по дру-
гимъ спискамъ: «замърныя»), и тако всѣхъ веселящихся,
яко же обычай естъ предъ княземъ». Блаженный поникъ
головой и потомъ сказалъ князю: «такъ ли будетъ на
томъ свѣтѣ?» Князь, умилившись словами Θεодосія и не-
много прослезившись, приказалъ играющимъ прекратить

¹⁾ Рыбниковъ. Пѣсни. I, 166.

²⁾ Гильфердингъ. Онеж. был. 498.—«Игроки» и «скоморохи» — понятія тожде-
ственные: Добрыня самъ называется княземъ то «скоморошиной», то «игрокомъ».

³⁾ Карѣвскій. Пѣсни. 1860—1870 Вып. II, стр. 13.

⁴⁾ К. Даниловъ. Древ. русс. стих. 91.

⁵⁾ Рыбниковъ. Пѣсни. II, 110.

⁶⁾ Полн. собр. русс. лѣт. IX, 74.

игру. Съ того времени, когда играли передъ княземъ, и князь слышалъ о приходѣ Θεодосія, онъ приказывалъ прекращать игру¹⁾. Изъ этого разсказа убѣждаемся, что при Святославѣ игра, т. е. музыка и пѣніе²⁾, была въ обычаѣ при княжескомъ дворѣ и, разумѣется, сопровождала княжескіе пиры. — Такой же обычай существовалъ въ старину и при сербскомъ царскомъ дворѣ: «егда же бо и на трапезѣ прѣдсѣдѣще, тумьпани и гусльми *яко бычай* самодержцемъ благородныхъ веселяще», читаемъ въ житіи св. Саввы: рѣчь идетъ о дворѣ перваго царя сербскаго, Стефана (1195 — 1228)³⁾. Подходящей иллюстраціей къ разсказу Нестора можетъ служить старинная фреска Софійскаго Собора въ Кіевѣ, относимая къ 1073 г.: здѣсь изображены игроки на флейтѣ, на длинныхъ трубахъ, на арфообразномъ и гитаровидномъ инструментахъ, наконецъ, на тарелкахъ. Флейтищикъ и тарелочникъ изображены, кромѣ того, пляшущими⁴⁾. Придворная обстановка требовала, конечно, возможнаго блеска, и упомянутые игроки Святославовы, равно какъ и музыканты-плясуны и потѣшники, изображенные на фрескѣ Софійскаго собора, и сербскіе придворные игрецы на тимпанахъ и гусляхъ вѣроятно заимствованы были отъ византійскаго двора⁵⁾.

¹⁾ Печерскій Патерикъ. 1806 г. Стр. 55.

²⁾ Подъ словомъ игра слѣдуетъ понимать не одну игру на инструментѣ, но и тѣсно связывавшееся съ нею въ старину пѣніе, — такъ въ былинахъ обыкновенно понимается игра скомороховъ; извѣстно также народное выраженіе «пѣсни играть». Ср. Терещенко. Быть русскаго народа. 1848 г. II, 146. — Аваньясовъ. Повѣстическія воззрѣнія Славянъ на природу. 1865—1869. I, стр. 337.

³⁾ См. у Кунаѣ. Opis i poviest narodnich glasbala jugoslovjena (оттискъ изъ кн. XXVІІІ журнала: Rad jugoslav. akad.). Стр. 50.

⁴⁾ Закревскій. Описание Кіева. 1868 г. Табл. XII.

⁵⁾ Считаю нелишнимъ, вслѣдствіе того, привести описаніе торжественной царской трапезы въ Византіи, устроенной въ честь русской княгини Ольги. Въ время обѣда, кромѣ двухъ хоровъ соборныхъ пѣвчихъ, воспѣвавшихъ гимны въ честь императорской фамиліи, разыгрывались разныя представленія, состоявшія изъ плясокъ и другихъ игръ. Это происходило такимъ образомъ: какъ только царь и всѣ прочіе сѣлись за столъ, въ палату вступили дружины актеровъ и танцовщиковъ со своими распорядителями. Дѣйствіе открывалось хвалебнымъ въ честь императора гимномъ. Послѣ этой пѣсни префектъ, дворецкій, подавалъ знакъ правою рукою, то распуская пальцы на подобіе лучей, то сжимая ихъ. Начинаясь пляска и трижды обходила вокругъ стола. Потомъ плясуны удалялись къ нижнему отѣленію стола, гдѣ и становились въ своемъ порядкѣ. Тогда пѣвцы съ хоромъ пѣли духовную пѣсню съ провозглашеніемъ многолѣтія особымъ царскаго дома. Съ такими пѣснями и представленіями продолжалась церемонія столоваго кушанья до конца. Каждая перемиѣна кушанья сопровождалась новою пляскою или новою пѣсню. (Забѣляинъ. Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ.